

АРТИСТЫ редко появляются на публике с орденами и планками. «При наградах» народного артиста РСФСР Евгения Весника мне удалось увидеть лишь однажды, когда артисты Малого театра ездили на встречу с воинами подмосковной части. Рядом с ленточкой Трудового Красного Знамени за многолетнюю творческую работу на сцене на груди его теснились планки Красной Звезды, двух медалей «За отвагу», «За взятие Кенигсберга»... Вот уж, подумалось, поистине «из одного металла» льют медаль за бой, медаль за труд!

— Как складывалась ваша военная юность, Евгений Яковлевич?

— Война застала меня на втором курсе театрального училища имени Щепкина при Малом театре. В сентябре мы получили из театрального гардероба телогрейки и сапоги, с технического склада — лопаты и отбыли на трудовой фронт. Рыли противотанковые рвы, получая отметки не за глубину проникновения в роль, а за глубину проникновения в матушку-землю. Мы хорошо знали, сколь серьезное выполняем дело, и щепкинцы наши были отличниками...

А год спустя Весник стал курсантом Смоленского артиллерийского училища, эвакуированного в уральский городок Ирбит. В январе сорок третьего пришел долгожданный приказ о присвоении выпускникам офицерских званий. Весник получил назначение на Карельский фронт. Не сладко пришлось необстрелянному лейтенанту на первых порах, а впрочем, кому и когда на войне было «сладко»? Но по фронтовым дорогам рядом с ним шел бережно хранимый в памяти образ отца.

— В моем становлении командира и человека отец, его пример играл огромную роль. Наверное, решающую. Яков Весник сам по себе был фигурой незаурядной. В октябре семнадцатого года шел на штурм Зимнего во главе отряда красногвардейцев с Выборгской стороны. Позже был назначен членом Революционного совета 8-й армии, которой командовал Тухачевский. К концу гражданской войны в петлицах его гимнастерки было четыре ромба, а на груди — два ордена Красного Знамени. В последние годы жизни отец работал директором Криворожстроя...

Артист и по сей день ищет в своих героях черточки любимого человека — отца, и если находит, играется ему легко и радостно.

...Это очень естественно: когда фронтовика спрашивают о впечатлениях тех далеких

лет, идет рассказ о боевых действиях, о штурмах и переправах, атаках и госпиталях. Но актер — он и в артиллерии актер!

— Мы тогда под самым носом у противника сооружали наблюдательный пункт. Вдруг запищал зуммер полевого телефона: «Срочно прибыть в штаб!». Оставляю за себя заместителя, добираюсь до штаба, докладываю о прибытии. А мне велят побраться, помыться, вычистить сапоги и вообще иметь парадный вид. А потом и говорят: «Идите вон в тот дом, где у нас клуб».

Прихожу. Огромный зал полон. Солдаты, офицеры. Глазам своим не верю: идет спектакль, а на сцене наши, щепкинцы — Гая Сперанская, Борис Кордунов! Это они, зная, что я теперь на 3-м Бело-

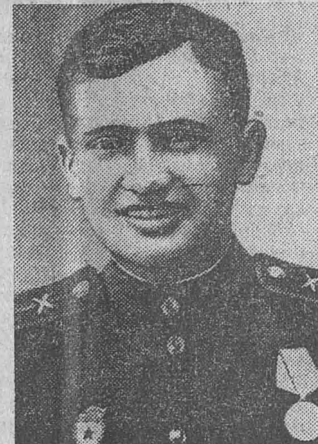
дет передать словами. Но вот о чем хотелось бы сказать: годы, проведенные на фронте, словно бы заново открыли глаза на замечательное явление, рожденное Советской властью, — нашего человека. Видите ли, школа, комсомол воспитывали в нас любовь к Родине, к людям нашей страны. Но в обыденной жизни это воспринималось как-то по-книжному, что ли. А тут — сердцем поняли, до самой глубины его.

Помните у Маяковского: «Землю, с которой вдвоем голодал...». А мы с ней в огне горели. И в этом огне очищались души людей, стало в нем все наносное, случайное. Люди становились чистыми, ясными, виделись все черты их так, словно были они прозрачными. Высокий и чистый образ советского че-

ловка, которого ты играешь. Твой герой, предположим, в беде, в опасности. Но ты не возводишь ее в абсолют, не доводишь ситуацию до критической, потому что знаешь: есть на свете и более опасные ситуации, ты их видел своими глазами. В результате — больше вариантов, больше нюансов в настроении, поступках, действиях героя. Более жизненный и достоверный образ получается. Или наоборот — играешь человека в состоянии восторга. Какой должна быть дозировка? Вот тут-то и вспомнишь, скажем, 9 Мая сорок пятого года. То состояние восторга и описать, да и сыграть, наверное, невозможно. Люди обнимались, целовались. Я сам ходил как потерянный и только повторял: «О!.. О!..» Теперь для меня это — мера всякого счастья.

— Ну а непосредственно в актерской работе вам приходится использовать фронтовой опыт?

— Буквально на каждом шагу. Он дал очень важное для артиста умение отсека-

прав, за кем ему идти. Кто ближе к истине? Сердцем понимая, что справедливость на стороне Комиссара, Алексей пошел за нею, целиком отдал себя делу революции... Так вот решил я эту роль путем самоограничений. Актеры ведь любят крупный план, любят, что греха таить, чтобы их было видно. А я старался все время быть где-то на втором плане, стоять за этими центральными фигурами, словно прислушиваясь, словно тихонько, постепенно, не торопясь оценивая, взвешивая каждое сказанное ими слово. И самое удивительное, мне потом говорили: именно из-за того, что я не выпячивал Алексея, мой герой вызывал повышенный интерес публики.

Ну, а если брать другую сторону фронтового опыта, образно говоря — умение носить гимнастерку, оно пригодилось мне не раз. Я играл полковника Симонова в фильме «Свет далекой звезды» по повести Чаковского в постановке Пыррева. Генерал-полковника Зуева в пьесе Лаврентьева «Человек и глобус» в Малом театре. Английского солдата в картине студии имени Довженко «Операция доктора Абста» и белогвардейского полковника с большим лбом — так называлась роль в фильме «Новые приключения неуловимых». Сейчас в театре в спектакле «Агония» предстаю в образе югославского подполковника. Особо памятная роль — образ героя сталинградской эпопеи Чуйкова: его я играл на сцене Волгоградского театра в присутствии самого Василия Ивановича.

— Евгений Яковлевич, как известно, председатель Центральной комиссии по культурному наследию над Вооруженными Силами СССР Елена Николаевна Гоголева работает именно в Малом театре. Ваш коллектив находится как бы в самом центре организуемой замечательной актрисой работы по культурному обслуживанию воинов. Вы принимаете участие в этом движении советской творческой интеллигенции?

— Да, конечно. Рассказывать обо всех шефских выступлениях пришлось бы долго.

Что прежде всего выносите из таких поездок? Понимание того, что, как ни разнятся между собой формы нашей работы, мы, актеры, равно как и деятели других видов искусства, помогаем политическому, эстетическому воспитанию воинов, стоим в одном строю с армейскими и флотскими политработниками, вносим и свой вклад в дело укрепления обороны нашей великой Родины.

С. ИВАНОВ.

ТАЛАНТ ФРОНТОВОЙ ЗАКАЛКИ

русском, разыскали меня и попросили вызвать. Сажу, гляжу на сцену и не могу сдержать слезы. Соседи ничего понять не могут: пьеса смешная, все хохочут, а я реву! От счастья, от неожиданной встречи, от внимания, проявленного ко мне, к нам, фронтовикам...

Евгений Яковлевич надолго задумывается. Я не спешу задавать вопросы, чувствую, что сейчас он заговорит сам, и заговорит о чем-то важном. И действительно, артист смущенно улыбаясь, словно извиняясь, что прервал беседу:

— Наверное, это сложно бу-

ловка я вынес из своих фронтовых лет.

Теперь мне не страшны никакие трудности: я — фронтовик!

С большой гордостью произношу это слово. И как здорово, когда, допустим, в театре при обсуждении какой-то сверхсложной творческой или организационной проблемы наши артисты вдруг говорят: «Фронтовики, а скажите-ка вы свое веское слово!». Это же очень дорого — такое доверительное отношение к нашему мнению, искренняя вера в то, что фронтовик скажет